Размножение делением: Исторические парки «Россия — моя история»

Ключевые слова: мультимедийная выставка «Россия – моя история», историческая мифология, история России, идеологическая пропаганда, города России.

Сеть исторических парков «Россия – моя история» в разных городах страны – самый масштабный выставочный проект и экспозиционный комплекс в сегодняшней России. Первый парк был основан 12 июня 2017 г. в Уфе, и через полгода после запуска проекта география его площадок охватывает более 15 городов, простираясь от Санкт-Петербурга до Южно-Сахалинска.
«Историческая экспертиза» открывает серию публикаций, в которых профессиональные историки оценивают общую концепцию проекта, его идеологическую составляющую, а также методы экспозиционной практики.

А. А. Селин

О ВЫСТАВКАХ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРКЕ «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Ключевые слова: «Россия – моя история», историческая политика, Санкт-Петербург.

Статья посвящена одному из вариантов имплементации исторической политики в современной России, в связи с открытием в Санкт-Петербурге «исторического парка» «Россия – моя история». В статье подробно разбирается контент выставочного проекта и делается попытка определить место этого проекта в конструкции исторической политики в России.

В Петербурге, на улице Бассейной, 32 (для тех, кто не в курсе, «человек рассеянный» был с другой улицы Бассейной, с той, которая теперь носит имя Некрасова), неподалеку от метро «Парк Победы», непосредственно рядом с этим парком открылся еще один парк – т. н.

© Селин А. А., 2018
Селин Адриан Александрович – доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург); aselin@hse.ru

Рис. 1

«исторический парк» под названием «Россия — моя история» (рис. 1).

Это достаточно большой выставочный комплекс, включающий в себя большое выставочное помещение первого этажа, столовую на втором этаже и небольшое выставочное пространство на третьем. На первом этаже работают выставки «Рюриковичи», «Романовы», «1941–1945», «1945–2017» (они открылись для посетителей в середине декабря 2017 г.); на третьем — «История Санкт-Петербурга» (открыта после новогодних праздников, только для небольших, в 10–12 человек, групп с экскурсоводом, всего четыре группы в день) (рис. 2, 3).

После посещения выставок профессиональный историк выходит с ощущением проигрыша. Несложные технические решения (мультимедийные доски, проекторы, игры-тесты), дополненные весьма существенными капиталовложениями, обращение авторов к максимально широкой аудитории, латентно присутствующая связь предлагаемого контента с Единым госэкзаменом по истории, главное — большое число посетителей, пришедших индивидуально и группами — все это свидетельствует о достигнутом авторами успехе. Несложном. Но уверенном. Что бы мы ни писали, как бы ни опровергали многочисленные фактические ошибки — никто не будет это демонтировать. Никто не будет сокращать рабочие места, открывшиеся в Петербурге и в других полутора десятках городов Российской Федерации. Программы издания популярных книг, публичные лекции — все это настроено совсем на другую аудиторию. Широкий посетитель, несомненно, выберет этот проект.

Подход, использованный авторами, достаточно примитивен. Сквозит дух евразийства, самым дурным образом преподанного. Смущает не обилие цитат из высказываний действующих политиков (хотя я, честно говоря, не думал, что они успели столько глупостей сказать), (рис. 4, 5), но, скорее обилие фраз

Рис. 2

Рис. 3

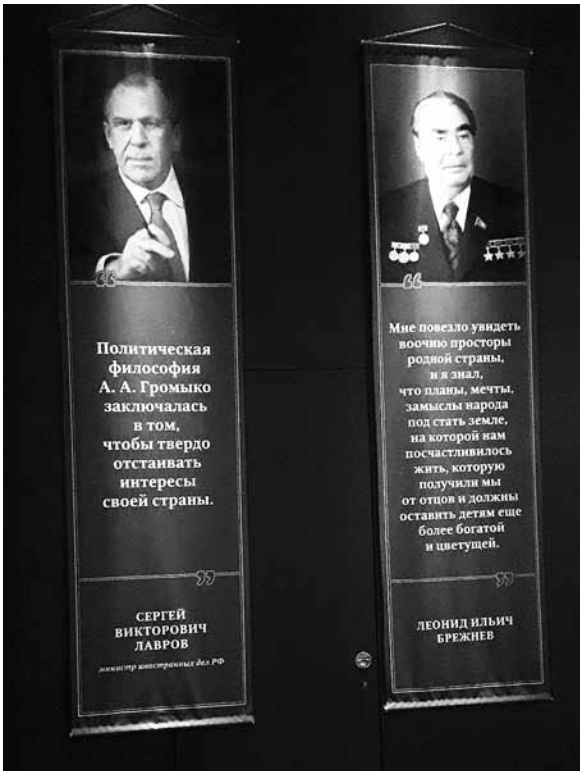


Рис. 4

Рис. 5

из Л. Н. Гумилева и Г. В. Вернадского (рис. 6, 7). И выстраиваемая на выставке общая картинка — это совершенно в духе особого пути, осажденной крепости, заговора. Попытки объективизма («Красные» и «Белые», проч.) — явно не удались авторам.

Принцип изложения истории, особенно истории до 1917 г., сродни сувенирной матрешке, где каждый последующий правитель вкладывается в предыдущего. Это не архаическая историография в духе середины XIX в. (вполне востребованная и в сегодняшнем школьном нарративе), а какая-то постархаика, где авторы вроде бы стремятся дополнить «политическую историю» историей бытовой (объясняют, что такое баня, лапти, проч.), но принципиально отказываются при этом от всех достижений профессионального исторического знания, накопленного за последние 150–170 лет. И это совершенно адекватно запросам посетителя. Вероятно, такую «мою историю», без особенных сомнений и раздумий, гораздо проще воспринимать (и запоминать по царям-князьям-генсекам, тоже, видимо, проще). Хотя профессионала, конечно, умиляют некоторые номера, приставленные киевским и московским князьям (рис. 8).

Лишним «золотым зубом» отсвечивает блок «Аркаим», стилистически выпадающий из экспозиции.

Рис. 6

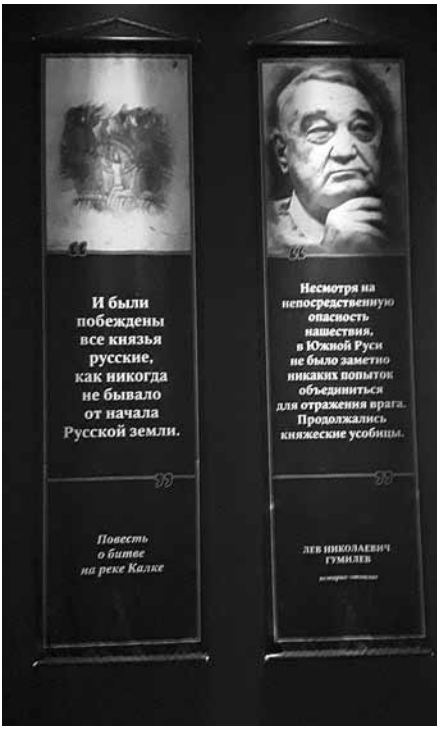


Рис. 7

Рис. 8

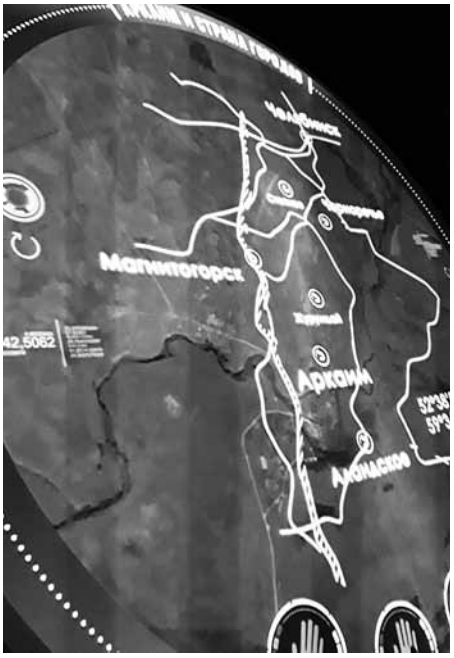


Рис. 9

Видимо, его некуда было пристроить (ну какое отношение Аркаим имеет к древнерусской истории?) и в центре одного из первых по хронологии выставочных пространств воткнули круглую тумбу с электронным табло, на котором – карты Южного Урала и «древнейший город Аркаим» (рис. 9).

Основная хронологическая канва выставок – это дурно понятая политическая история, «кто куда ходил». Стенд с каждым правителем дополнен картами, указывающими на его роль в присоединении/объединении/недопущении «распада державы» (такой «удержательницей» показана, в частности, княгиня Ольга, с подробностями, не снившимися ни «Степенной книге», ни Вере Пановой) (рис. 10).

Рис. 10

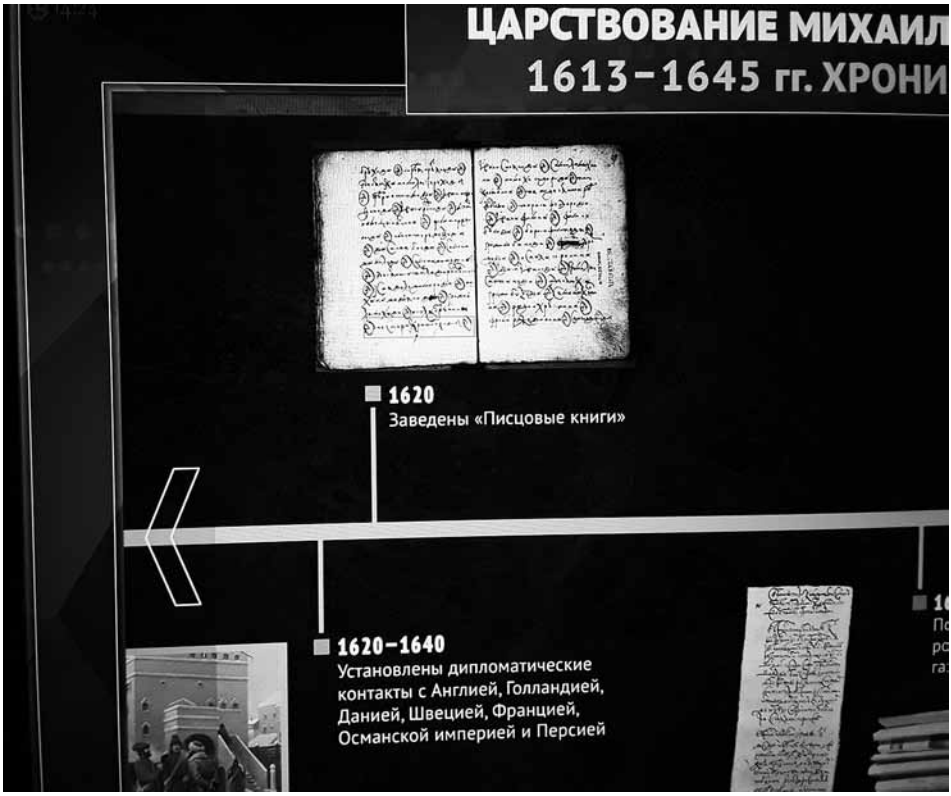


Рис. 11

Количество фактических ошибок зашкаливает, но еще большее впечатление производит очевидная их причина — небрежность подбора фактов, иллюстраций, явные результаты спешного поиска по «Википедии», без должной профессиональной критики. В ряде случаев создатели экспозиции просто не обладают квалификацией для определения явлений, о которых пишут (писцовые книги, «Иноземный приказ», проч.) (рис. 11).

В медиа уже довольно много написано о том, что рефреном сквозь обе «дореволюционные» выставки проходит идея «заговора против России» (и борьбе светлых сил / государства против оного). В самом деле, ряд тематических узлов настораживает, прежде всего, конечно, в описании обстоятельств убийства Павла I и особенно — в деле декабристов (рис. 12). Но этот же мотив встречен мной даже в стенде о XV в., где говорится о будто бы тевтонском шпионе в это время в Москве (рис. 13).

В разделе о петровской эпохе довольно подробно говорится о строительстве Санкт-Петербурга, но ни слова нет про Ниеншанц и Ингерманландию (рис. 14).

Однако в хронологическом перечне событий под статьей «Столбовский мир 1617 г.» — фотография бывшей

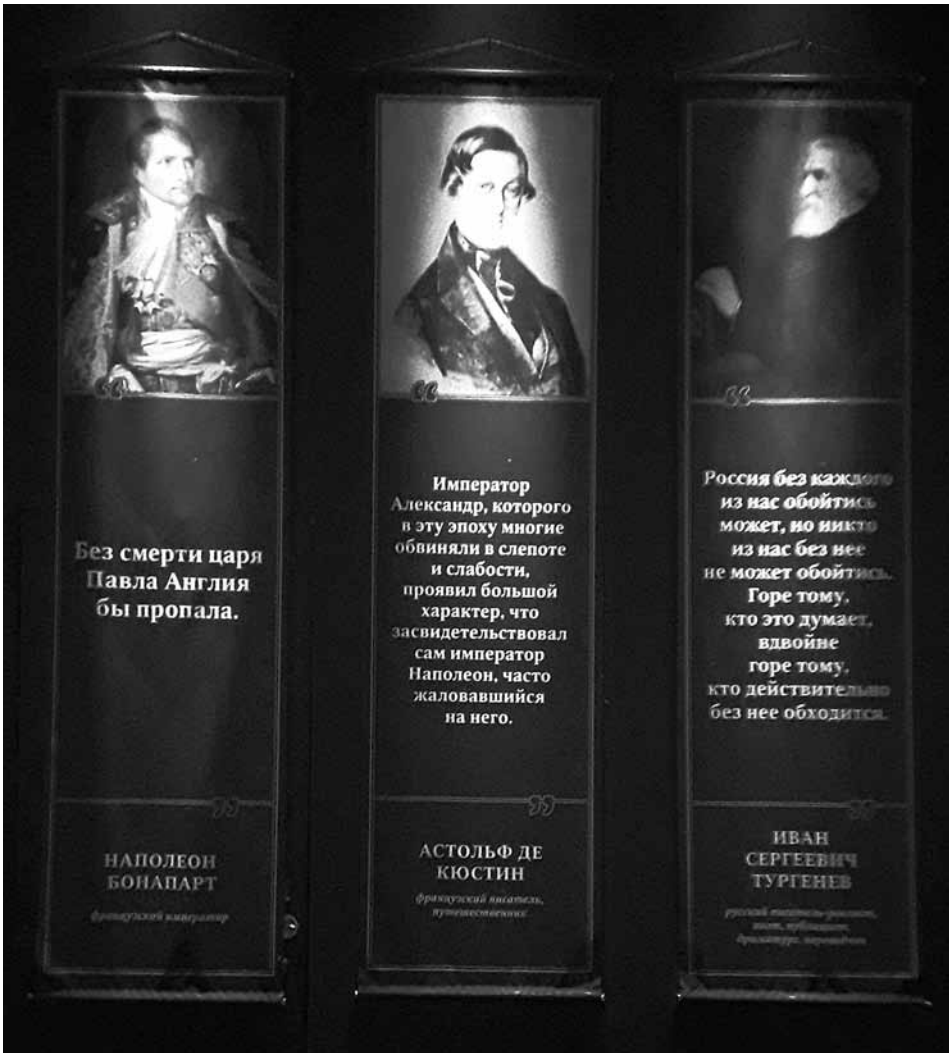


Рис. 12

экспозиции в уничтоженном накануне предполагавшегося, но так и не состоявшегося строительства «Охта-Центра» музейном комплексе «Ниеншанц» (рис. 15).

Несколько слов стоит сказать о выставках, повествующих о событиях в бывшей Российском империи — СССР — Российской Федерации после 1917 г. Здесь изложение, за рядом исключений, максимально близко к «школьному нарративу», пока не переходит, при описании XXI в., в чистую пропаганду успехов. Видимо, тот пафос создателей «исторического парка», который подтолкнул их к возведению такого же комплекса в Екатеринбурге (в пику «Ельцин-Центру»), распространился на их образ позднейшей истории. Так, события на постсо-

ветском пространстве 2004–2016 гг. преподносятся только в рамках противостояния России и Запада. Комично, что среди т. н. «цветных революций» упоминается «попытка “болотной” революции в России» (рис. 16).

Однако считаю, что подано это умело, и человек политически девственный, прочитав такой перечень, уйдет вполне убежденным в том, что в 2011–2012 гг. в российских крупных городах творилась революция.

Рис. 13

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ «ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРКА» «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Создатели (а точнее, как увидим далее, скорее консультанты) регионального (петербургского, соответственно) компонента т. н. «исторического парка» «Россия — моя

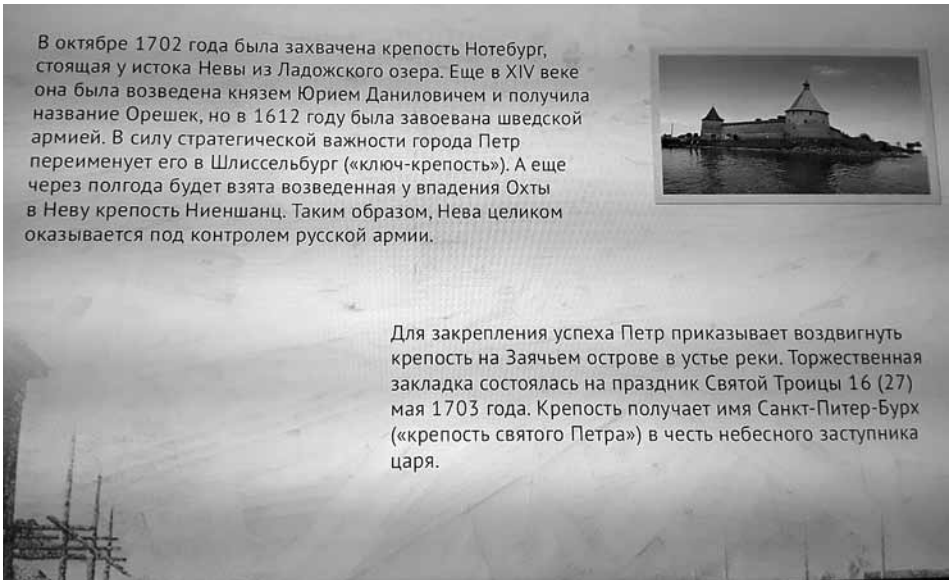


Рис. 14

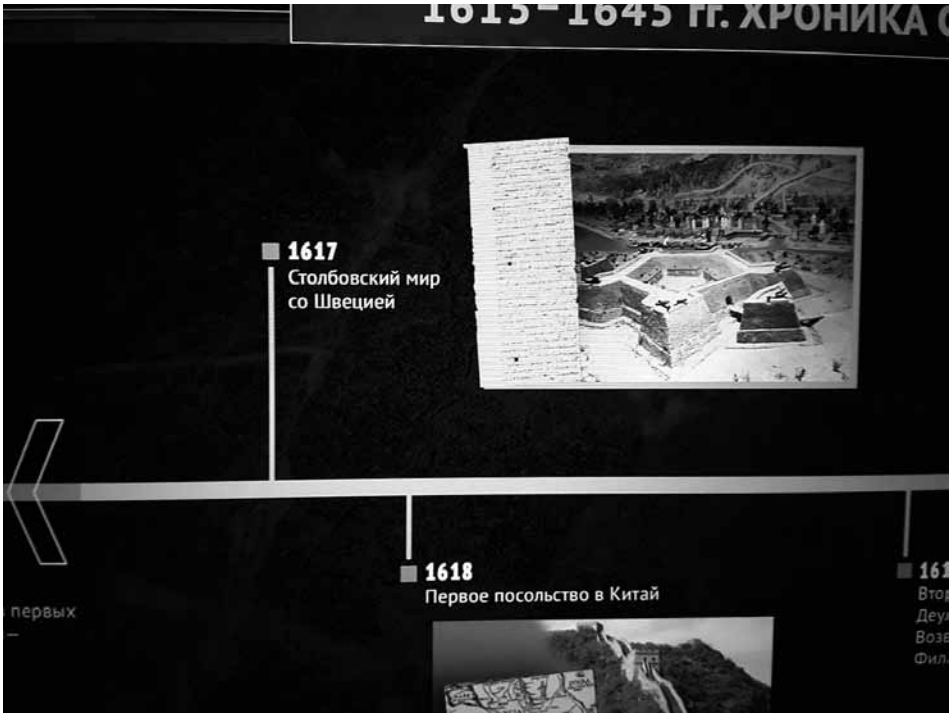


Рис. 15

история» уверяют, что перед ними не ставились политические цели: их задачей было просто показать региональную историю. Так ли это — судить читателю.

Прежде всего, «петербургскую» выставку, расположенную на третьем этаже вновь построенного здания на Бассейной улице, можно посетить лишь по записи, которая ведется по телефону. Четыре раза в день для групп около 10–12 человек проводятся часовые экскурсии; сама экскурсия длится около получаса, примерно полчаса дается для того, чтобы самостоятельно побродить по выставке.

Встречают посетителя два манекена в костюмах «древнерусского воина» и «шведского воина» (рис. 17).

Рис. 16

Они стоят рядом с горизонтальной панелью, наподобие стола, на которой можно посмотреть «фильм» об истории Невской дельты до возникновения Петербург (рис. 18).

Рис. 17

Это не фильм, строго говоря, а несколько наборов слайдов, сопровождающихся звуком. На этих слайдах приводится прежде всего военно-политическая история Невской дельты — от Невской битвы до Северной войны. Впечатляет использование фотографий раскопок Ландскроны (рис. 19, 20).

По какой-то причине археологические исследования Ниеншанца не использованы в данном фильме (хотя готовил этот блок собственно автор и тех, и других раскопок).

Рис. 19

Честно говоря, этот блок мог бы дать больше: тексты очень краткие, много серьезных упрощений, граничащих с ошибками (возможно, небольшое количество материала связано с тем, что посетитель на выставке проводит довольно мало времени). Примеры: «Шведский король Карл IX хотел посадить на московский престол своего сына Карла Филиппа» (Карл IX очень скептически относился к идее приглашения на московский стол одного из своих сыновей; посольство новгородцев, отправленное с этой целью в Стокгольм, не застало этого шведского короля в живых). «Шведская армия находилась на территории России как союзник против поляков» (шведский корпус призвали для поддержки Василия Шуйского против Тушинского вора, хотя корпусу

Рис. 18

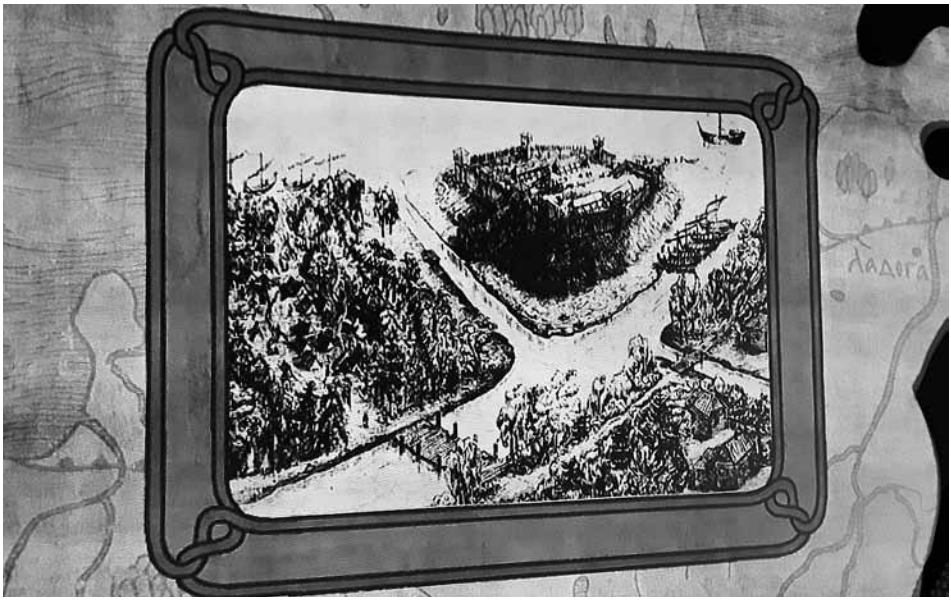


Рис. 20

Рис. 21

пришлось воевать и против войск Речи Посполитой). Город Ниен развивался в XVII в. на основе русского поселения «Невское устье» (очень неточно: русское поселение с таким названием неизвестно; в источниках упоминаются деревни и гостиный двор на Невском устье). «В середине XVII в. царь Алексей Михайлович начал войну за выход к Балтике» (эта война была серьезной ошибкой А.Л. Ордина-Нащокина, переоценившего силы царских войск).

Далее в нескольких залах представлен XVIII в. На мой взгляд — самая лучшая часть всей выставки. Показана стена «домика Петра», откуда, открывая дверь, можно услышать строгий окрик царя (рис. 21).

Представлена круговая панорама Невы и стрелки Васильевского острова с реконструкцией первоначальной застройки (рис. 22).

Рис. 22

Рабочий аннинского времени у печи (рис. 23), подробнейший план Петербурга середины XVIII в., на котором отмечено множество строений. Все это (как и везде на выставке) сопровождается мультимедийными стендами, где на линии времени (почему-то с хронологией справа налево) — блоки с датами и информацией. Почти вся информация — «гражданского» характера, за исключением, пожалуй, событий Северной войны.

Рис. 23

Этот принцип — манекены в разных позах и блоки интерактивной информации — характерная черта всей выставки («допетровская» часть стилистически выпадает, и это очень заметно). Путаные ходы между отдельными помещениями заставляют предположить, что экспозиция приспосабливается к неудобному членению помещений,

Рис. 24

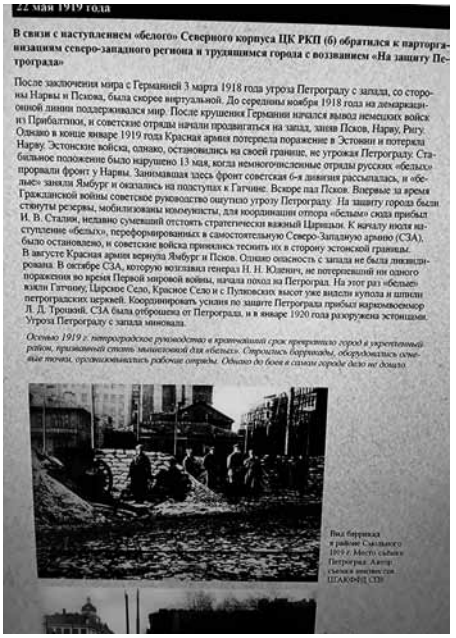
Рис. 25

а не помещения приспособлены под экспозицию.

Если XVIII в. составляет некую цельность, то уже XIX состоит из обрывков, фрагментов. Еще одна панорама с Сенатской площадью начала XIX в. (если подпрыгивать в санях, в которые садится два человека, то конь везет вокруг площади). Ни слова о декабристах. На Сенатской площади! Немного о первых, николаевских, железных дорогах. За решеткой ворот стоят полицейский и дворник (рис. 24).

Аккуратные рабочий и работница, изображающие рост города с ростом промышленности (здесь экскурсовод сказала об «уплотнительной застройке», в XIX в.!) (рис. 25).

Небезынтересен интерактивный атлас промышленности на террито-


22 мая 1919 года

В связи с наступлением «белого» Северного корпуса ЦК РКП (б) обратился к парторганизациям северо-западного региона и трудящимся города с воззванием «На защиту Петрограда»

После заключения мира с Германией 3 марта 1918 года угроза Петрограду с запада, со стороны Нарвы и Пскова, была скорее виртуальной. До середины ноября 1918 года на демаркационной линии поддерживался мир. После крушения Германии начался вывод немецких войск из Прибалтики, и советские отряды начали продвигаться на запад, заняв Псков, Нарву, Ригу. Однако в конце января 1919 года Красная армия потерпела поражение в Эстонии и потеряла Нарву. Эстонские войска, однако, остановились на своей границе, не угрожая Петрограду. Стабильное положение было нарушено 13 мая, когда немногочисленные отряды русских «белых» прорвали фронт у Нарвы. Занимавшая здесь фронт советская 6-я дивизия рассыпалась, и «белые» заняли Ямбург и оказались на подступах к Гатчине. Вскоре пал Псков. Впервые за время Гражданской войны советское руководство ощутило угрозу Петрограду. На защиту города были стянуты резервы, мобилизованы коммунисты, для координации отпора «белым» сюда прибыл И. В. Сталин, недавно сумевший отстоять стратегически важный Царицын. К началу июля наступление «белых», переформированных в самостоятельную Северо-Западную армию (СЗА), было остановлено, и советские войска принялись теснить их в сторону эстонской границы. В августе Красная армия вернула Ямбург и Псков. Однако опасность с запада не была ликвидирована. В октябре СЗА, которую возглавил генерал Н. Н. Юденич, не потерпевший ни одного поражения во время Первой мировой войны, начала поход на Петроград. На этот раз «белые» взяли Гатчину, Царское Село, Красное Село и с Пулковских высот уже видели купола и шпили петроградских церквей. Координировать усилия по защите Петрограда прибыл наркомвоенмор Л. Д. Троцкий. СЗА была отброшена от Петрограда, и в январе 1920 года разоружена эстонцами. Угроза Петрограду с запада миновала.

Осенью 1919 г. петроградское руководство в критический срок превратило город в укрепленный район, призванный стать эпицентром для «белых». Строились баррикады, оборудовались огневые точки, организовывались рабочие отряды. Однако до боев в самом городе дело не дошло.

Вид баррикад в районе Сампсониевского проспекта. 1919 г. Место съемки: Петроград. Автор: Съемка немецкая. ЦГАКФФД СПб

Рис. 26

Рис. 27

рии Петербурга. Но это — для вдумчивого осмысления, а сегодняшний формат такого не предполагает, надо все смотреть быстро.

Если XIX в. состоит из каких-то фрагментов, то XX в. вовсе пугает (при этом тоже чрезвычайно фрагментарен). Выделяется общий период 1914–1921 гг. (что вполне допустимо, конечно). Броневик (копия апрельского, 1917 г., у Финляндского вокзала), солдат, матрос. Белых практически нет. Очень вскользь (это уже только в текстах) — про движение 1919 г., про Юденича (рис. 26).

Ни слова про Булак-Балаховича. Кронштадтское восстание обозначено как «последнее проявление насилия» в Петроградской округе). Я не нашел ничего о непризнанной Северо-Ингерманландской республике и о Карельском перешейке в 1919–1920 гг. (но устроители выставки, очевидно, говорят: мы не про политику, мы только про коммуникации).

Ну, а 1920–1930-е годы — ниже всякой критики. Благолепие полное — как в советском учебнике истории. Пионер-манекен (рис. 27).

На фотографиях — рост промышленности, рост благосостояния. Никакого «философского парохода». Никаких репрессий. Никакой Левашовской пустыни. Одно сплошное строительство. Зато есть информация об открытии в 1936 г. школы УГБ НКВД (рис. 28).

Манекен женщины-милиционера под светофором (рис. 29).

Война представлена очень бледно (и нет Зимней войны вовсе).

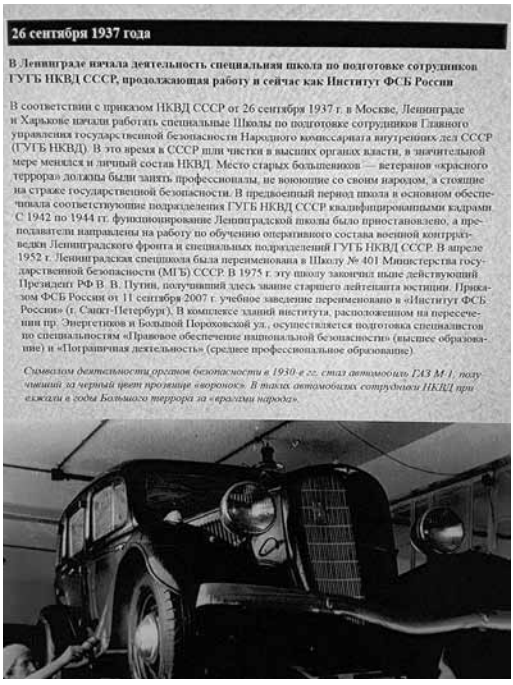


Рис. 28

Рис. 29

Особый блокадный зал с «чашей слез» и метрономом, но вовсе без информации (экскурсовод что-то пролепетала о том, что «блокаду можно много где посмотреть»). Из всего XX в. удачей можно назвать, пожалуй, только раздел с восстановлением Ленинграда в 1944–1947 гг. (использованы малоизвестные плакаты, пособия для ленинградцев по ремонту зданий) (рис. 30).

Но нет ничего о «ленинградском деле». Дальше — «мирная жизнь» 1950–1970-х гг. Очень пустые залы. Манекен, изображающий инженера с кульманом (рис. 31).

Два манекена — свадьба морского офицера (здесь барышня-экскурсовод пояснила, что в «хрущевское время» отказались от венчания и перешли к светским свадьбам) (рис. 32).

Конца XX в. толком нет: стена с картинками о том, что город все время строится, вплоть до последнего планетария на Обводном канале (рис. 33).

Общая оценка заключается в следующем. Перед консультантами-историками была поставлена задача сделать нечто «региональное, неполитическое». Информация каждого небольшого блока подана неплохо (хотя я и привел существенные огрехи в «допетровском» разделе). Но общее впечатление от этой части выставки: манекены в разных позах, дополненные интерактивными текстами. Многие залы пустые: в углу стоит манекен, а на стене висит интерактивная доска, и все.

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Целостной картины истории Петербурга не получается, только какие-то разорванные фрагменты.

Что касается «неполитичности» — то шила в мешке не утаишь. Лакуны выглядят преднамеренными. Об отсутствии декабристов (они, конечно, есть в выставке «Романовы», причем в полный рост) я упомянул. Вся история XX в. подана как в советском учебнике. Да, консультанты

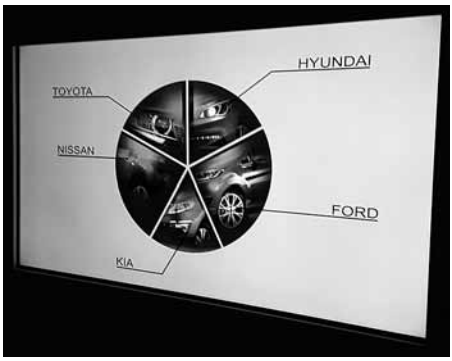


Рис. 33

могут сказать: мы проделали большую, качественную работу, качественно подготовили свои блоки. Верю (хотя про Гражданскую войну тексты явно слабее, чем могли бы быть, их готовил как раз специалист по Булак-Балаховичу). Но не получается без «острых вопросов» цельной картины истории города. Нельзя писать про школу НКВД и не писать про репрессии! Про убийство Кирова — ни слова: это же невозможно! Не может быть истории Петербурга как только лишь истории строительства и инфраструктуры. И потребитель этого, скорее всего, не понимает. Потребитель, конечно, сфотографируется у манекенов и выйдет с ощущением обилия разорванных фрагментов, из которых не складывается даже та благостная картина, которую предполагали создать заказчики.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА

Требуется осмыслить описываемое явление. Полагаю, что функционально появление стационарных «исторических парков» в Российской Федерации сродни появлению специфических государственных институтов, действующих в ряде стран бывшего СССР и Советского блока: институтов национальной памяти. Прямая задача т. н. «исторических парков» в Российской Федерации — это историческая политика. Способ воздействия крайне прост: с помощью мультимедиатехнологий, без использования каких бы то ни было подлинных предметов прошлого (экспонатов) представить широкой публике (ориентируясь не только на массового одиночного посетителя, но и на группы школьников) свое видение истории. Оно крайне ангажированное; ряд акцентов, сделанных на выставках, кажутся даже маргинальными. Но настрой взят именно на «тираж», на невзыскательного, но алчущего доступной «простой истории» посетителя. Какие-то «спорные вопросы», как формулируется в (печально) знаменитом «историко-культурном стандарте», здесь сняты. А — это А, Б — это Б. Надо заметить, что, при всем заметном объеме капиталовложений, дурной вкус устроителей, их погоня за тиражом, какая-то непонятная спешка привели к использованию довольно простых и примитивных (хотя все еще выигрышных) форм подачи материала. Сравнение технологий, использованных на выставках в т. н. «историческом парке» и, к примеру, на любой современной выставке в Государственном Эрмитаже, просто невозможно: на выставках в «историческом парке» дурно организовано пространство (вновь построенное!). Темные залы, многие из них выглядят полупустыми (особенно в «региональном компоненте»), другие же, напротив — переполненными.

Роль «региональных компонентов» на выставке специфична. Они, с одной стороны, локализуют выставку в том или ином городе, регионе; с другой же — служат своеобразной амальгамой, верифицирующей, утверждающей «федеральные выставки». В самом деле: в петербургском «компоненте» выставки есть панорама Сенатской площади начала XIX в. Но нет декабристов. Где же декабристы? А они на первом этаже, на выставке «Романовы».

ABOUT EXHIBITIONS IN THE HISTORICAL PARK "RUSSIA IS MY HISTORY" IN ST. PETERSBURG

Selin Adrian A. — doctor of Historical Sciences, Professor, HSE (St. Petersburg)

Key words: "Russia — My History", historical policy, St. Petersburg.

The article is based on one verse of historical policy implementation in contemporary Russia. The main reason for the article is the opening of so called «Historical Park "Russia — My History"» in St. Petersburg. The author analysed the content of the exhibition and also tried to indicate the place of such projects in the construction of historical policy in contemporary Russia.